

Расула - Магомед

1986/1

Лит. Россия, 1986 №20-26 год.

ТВОРЧЕСТВО писателя, особенно зрелого, — это страна, со своей историей и обычаями, со своим духом, «национальным характером», ландшафтом и территорией. При всей открытости ее границ страна эта имеет очертания и нередко — место на географической карте.

Для Магомеда-Расула — это горное селение Дагестана Кубачи, где он родился пятьдесят лет назад. О чем бы ни писал он, прозаик и драматург, как бы ни была распахнута радостям и боям большого мира его душа, отсюда чарует темы, из этой скалистой земли бьет его источник Иппокрены, питающий его вдохновение.

Все его произведения, начиная с первого, написанного в 1962 году, — как части одной, главной книги, которую он пишет вот уже почти четверть века.

«Мой Кубачи! — восклицает Хартум, юный герой первой преведенной на русский язык повести писателя «Хартум и Мадина». — Он вцепился в крутой горный склон. Темно-синие долины — один над другим, как ступени древней каменной лестницы. Над плоскими глинистыми крышами тянутся... дымы очагов... Дымная коса, цепляясь за деревья, плывет в ущелье, мешается с туманами и тучами, тает на границе неба и высоких снегов. Горные снега! Они как паруса в небесной синеве».

В Хартуме многое от самого автора. Не оттого ли так чутко, тонко, пронзительно он воспринимает после разлуки красоту родной природы? Горы, где живут свободные горные туры и охотятся орлы, где шумят маленькие, но быстрые реки. Горы, за которые каждый вечер ложится спать солнце...

Не случайна, конечно, в этом молодом герое такая прочная, кровная, «самая смертная» связь со всем, что окружало его с самого рождения. Она — от автора.

Кубачинцев всего не более трех тысяч, однако аул этот известен во всем мире своими оружейниками и ювелирами. Клиники их вечны, и откуда только не приходит орнамент под резец златокузнецам Цепи гор, лоза винограда, пенистая река, зубчатые вершины елей, дымы саклей, бегущие облака. И — нежный цветок.

И в характеристиках горцев и горячек — такими их и рисует писатель — прочно сплавились мужество и нежность, твердость и доброта. И в его стиле роман-

тизм фольклора переплетен с трезвым реализмом.

У Магомеда-Расула вышло свыше тридцати книг, не только на родном ему дагестанском языке, но в переводе на русский, аварский, литовский, лезгинский, эстонский и английский языки. Старшие товарищи по перу высоко оценивали еще ранние его произведения.

«Повесть Магомеда-Расула «Хартум и Мадина» — умная, непоритная в плане национальном и вместе с тем зрелая, она радует своей жизненностью, подлинно творческой выдумкой и немаловажностью темы. А

современной женщины-горянки, ее освобождения от гнета условностей, отживших свой век обычаяев. Это ликование и восторги отбрасывают нас на много лет назад (если мы, разумеется, не имеем дела с историческим исследованием), ибо тогда уже проблему освобождения горянки от этого гнета можно было возвести в ранг решенных. Отдельные случаи кости не так уж и показательны...

Магомед-Расул шагнул далеко

ни любого поколения? Проникнуть в суть социальных, духовных и нравственных конфликтов сегодняшней действительности? Не идеализируя прошлое, автор стремится к откровенному, без утаивания различных сторон его, анализу, связывая его с богатой проблематикой человеческих чувств и судеб.

О качестве дарования Магомеда-Расула-прозаика с достаточной степенью точности можно судить по его последнему роману «Отец пророка» («Современник», 1985). Как и в большинстве его произведений, мес-

денное не столько чувством любви к девушке или нелюбви к жене, сколько страхом, чувством потерянности из-за неудачи в любимом деле — древнем народном искусстве: долго он не мог сделать такой клинок, чтобы им, не повредив лезвие, можно было рассечь гвоздь, лежащий на чурбане. А когда сделал, пришел загрет на изготавление клинков и ножиков — значит, его труд, его умение, мастерство других кузнецов никому не нужны!?

В этой сюжетной линии притчливо сплетаются традиции прошлого и современности, конфликт их не всегда разрешается безболезненно. Писатель не бежит острых углов, на ищет для своих герояев, как ни дороги они его сердцу, легких жизненных путей, оправдательных мотивов для их проступков. Психологически тонко и доходчиво он изображает их переживания, чувства — любовь, ревность, сомнение, раскаяние. Он не проводит резкую границу между добром и злом и не «подыгрывает» в интересах справедливости ни тому, ни другому. Ставя в романе серьезные социальные проблемы, и здесь он выходит за рамки бытовых, житейских ситуаций, связывает неприметные на первый взгляд конфликты повседневности с общими, многослойными и взаимопроникающими явлениями нашего общего бытия. Личное горе, неприятность уходят на второй план, когда дело касается общей боли: и Масандил, и Кумсият находят в себе силы, еще не оправившись от душевных потрясений, борясь за сохранение древнего народного искусства лачинцев.

Роман погружает читателя в мир раздумий, остроэмоционального восприятия всего, чем живут его герои, что составляет жизнь современного человека вообще. Круг его забот и интересов стремительно расширяется, обновляется и изменяется качественно, и писатель понимает, что художественное отражение сегодняшней реальности требует тоже иного уровня.

Если время за тобой не сле-дует, говорят лачинцы, сам сле-дуй за временем. Чувство вре-мени позволяет Магомеду-Расу-лу идти с ним в ногу. Его про-изведения заключают в себе об-щественно значимые мысли. Про-за его доносят до читателя ще-мящие запахи родины, сладкий и приятный дым отечества.

А писатель идет дальше, рас-ширяя границы страны своего творчества. И меньше становит-ся на ее «карте» белых пятен...

Лиана ПОЛУХИНА

Металл и цветок

О прозе
Магомеда-
Расула

вперед: героини, особенно молодые, его повестей — помимо названных, «Горная гвоздика», «Чужой муж», «Джейран», «Задень до любви», романов «Без приглашения» и «Отец пророка» — свободой пользуются так же естественно, как дышат: не думая с каждым вдохом оживительности кислорода... Чуткий ко времени, автор улавливает в нем изменения — новые критерии, нормы. И эту современность несет в себе его герои — в самом строе мыслей, складе души.

К старому возврата нет, но и пренебречь традициями отцов, с маxу отбрасывать все обретенное до тебя, вековой опыт человеческого развития — значит в жизни ничего не понимать. Без опоры на прошлое можно ли говорить о гармонической жиз-

то действия здесь — аул потомственных кузнецов Лачин, проблема — поиски человеком своего места жизни, обретение им судьбы в самом широком ее понимании. Автор верен своему стремлению к разнообразию художественных средств. Как и всегда он не «подправляет» жизнь, не сводит ее непридуманные сложности к оптимистическому разрешению, а намерен говорить правду, и только правду. А она такова: жизнь — не один только праздник. Она то мед, а то и польни. А если каждый день будет легкий — мудрец станет дураком (так говорит матер дочери в повести «Джейран»).

В романе «Отец пророка» автор — и герой — зачастую мыслят афористично, здесь много поговорок и мудрых изречений, но в данном случае важна главная мысль, которую несет этот большой и многограниченный роман: человек сам ответствен за свои поступки, судьбу, характер. Ответственность эта воспитывается в нем через отношение к другому человеку и к труду.

Мысль, конечно, не новая, но,

преломленная, нередко траги-

чески, в жизни героев романа —

кузнеца Масандила Чуланова,

его жены Кумсият, Малакай,

Ханзазы, — она не минует чи-

тательского сердца и души,

сделает их мягче, обогатит муд-

ростью доброты и понимания.

Одна из сюжетных линий рома-

на — измена Масандила же-

не. На поступок этот его толк-

нуло душевное смятение, рож-